

по себе говорит об определенной тенденции самоисчерпания жанра. Нельзя признать вполне убедительным и напрашивающееся объяснение расцвета эпитафии связью жанра с пре- и романтическими веяниями в поэзии, поскольку оно не охватывает эпохи барокко и классицизма, когда эпитафия могла выйти в свет отдельным печатным листом (Софроний Лихуд, А. П. Сумароков).

Ответить на все вопросы, связанные с выяснением художественной природы эпитафии, можно только при комплексном изучении жанра. Уже при первом приближении к материалу вскрывается двойственная природа эпитафии, отразившаяся и в упоминавшейся классификации, в которой бросается в глаза не только излишняя пейоративность и оценочность, но и противоречивость, а именно: вполне естественное, на первый взгляд, разделение на литературную и реальную эпитафии, которое прижилось в литературоведческом обиходе. Между тем совершенно неестественно выглядели бы сочетания типа «реальная» басня, ода, элегия и пр. О какой реальности может идти речь? В связи с приведенными выше соображениями о взаимопереплетении разных типов эпитафий можно говорить прежде всего о реальности литературной. Уже в начале XVIII в. нормативные руководства, признавая самостоятельность эпитафий, рассматривали ее в двух планах. Феофан Прокопович в «Поэтике» (1705) посвятил эпитафии целую главу, в которой считал эпитафию «замечательной разновидностью» эпитаграмм.³⁹ В упоминавшейся московской поэтике конца 1720-х гг. эпитафия включена в круг других жанров — оды и элегии — и рассмотрена в главе о погребальной поэзии.⁴⁰ Это положение сохраняется вплоть до начала XIX в., «стихи на кончину» вместе с эпитафией составляют неразрывный диптих (иногда эпитафия составляла заключительные стихи собственно оды). Это отразила и сатирическая поэзия, например С. С. Пестов в 1789 г. публикует «Стихи на кончину набитого деньгами кошелька» и «Надгробную кошельку».⁴¹ Даже в том случае, когда эпитафия опубликована отдельно от оды, можно предположить, к какой жанровой структуре она относится, поскольку обычно эпитафия-эпитаграмма имела название «эпитафия», а посвященная конкретному лицу — «надгробная» (т. е. надпись), что неоднократно зафиксировано в эпитаграмматике. У А. И. Дубровского в «Трех эпитафиях на скупого»:

Читатель, знай, что здесь зарыт лежит богаты,
Кой не дал ничего по смерти, не взявши платы;
Смотри, чтоб и с тебя не попросил чего,
За тем, что ты прочел надгробную его.⁴²

сочинителя эпитафий, см.: Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897. Т. 1, вып. 6. С. 358—359. Черновые редакции: ГПБ, ф. 653, № 3.

³⁹ См.: Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1964. С. 451—456; ср.: Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X. Köln; Wien, 1982. S. 418—429.

⁴⁰ См.: ГПБ, собр. Вяземского, Q.XVI, л. 109—111.

⁴¹ См.: Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3, ноябрь. С. 296—297.

⁴² Ежемесячные сочинения. 1755. № 12. С. 566 (здесь и далее курсив наш. — С. Н.).